

Тунгусский бор.

Михалева Валентина Кирилловна (п. Степановка Верхнекетского района Томской области).

Я думаю, каждый человек должен иметь свою
тропинку в жизни, свой обжитой край,
исхоженный босиком, политый детской слезой.
Ф. Абрамов.

Много на свете красивых, богатых и живописных мест. Но есть на Томской земле небольшой клочок земли, невероятно притягательный моему сердцу. В милой глуши, недалеко от п. Батурино Асиновского района в шестидесятые годы прошлого века была жива деревенька с магическим названием «Тунгусский бор». В этой деревне прошло мое босоное детство, здесь происходило и нравственное рождение в своей сути, в нравственных связях с миром.: с другими людьми, с природой, наконец – Родиной. Не знаю почему, но все сны мои – родом оттуда. Почти каждую ночь перед глазами моими роятся пейзажи, знакомые лица людей, воспоминания. Чаще всего вижу себя на берегу небольшого озерка. Здесь, на взгорье лежат в могилах самые дорогие моему сердцу люди: мать и бабушка. Скорее всего именно это обстоятельство и заставляет мою душу возвращаться туда снова и снова, хотя бы во сне, не имея возможности вернуться туда наяву, поскольку деревни, где прошло мое детство, нет на карте Томской области. Лесопункт Лайского леспромхоза, исчерпав запасы древесины, был закрыт в конце семидесятых годов прошлого века. Жители разъехались кто куда. Знаю только, что несколько семей остались работать во вновь открывающейся тогда Катайгинской ЛПХ Верхнекетского района. Другие же, вероятно, живут не только в Томской области, но и за ее пределами. Судьба разбросала моих односельчан в разные стороны нашей необъятной Родины. Ушли в небытие люди, события, но так хочется надеяться, что найдутся еще те, кому захочется окунуться в свое прошлое и поделиться своими воспоминаниями. А это будет означать только одно: деревенька наша жива и будет жить, пока мы ее помним.

В Тунгусский бор семья наша переехала весной 1953 года. Помню как пригожим майскими днями плыли по Чулыму на барже до Батурино, а потом ехали на открытой платформе до места назначения. Так наше многочисленное семейство: мать, отец и пятеро детей – угнездились на новое место жительства. Небольшой рубленый домишко, в котором нам предстояло жить, стоял у кромки леса. Огромный сосновый бор, белоствольная березовая роща, малинники и земляничные полянки. Лесные озера бездонной глубины, полные гольянов. Своенравная лесная речка Кайлушка с темно-коричневой, в цвет чайной заварки, водой... Они окружали деревню со всех сторон. На берегу Кайлушки, бурно разливавшейся по весне и съезживавшейся летом до размеров большого ручья, стояли несколько рубленых домишек и несколько бараков. Население разношерстное. Львиная доля приходилась на ссыльных литовцев, русских проживало всего несколько семей. Отчетливо помню избышку старого кержак Лебедева, знатного охотника-зверолова. В бараках, так называемых общежитиях, жили несколько десятков страшных, всегда матерно ругающихся и постоянно дерущихся мужиков. Откуда мне, ребенку, было знать, что литовцы были «врагами народа», спецпереселенцами, а неприкаянных мужиков занесло в таежную глухомань жаркое лето 1953 года и вербовка. В начале пятидесятых Тунгусский бор только-только начинал превращаться в лесопункт. До этого ссыльные литовцы жили и работали в двух поселениях, в Старых и Новых бараках. Расположенных в 10 км. от Тунгусского бора. Ссыльные литовцы по праву считались основателями этих поселений. И хотя попали они в

таежную глухомань не по своей воле, именно Томская тайга на многие годы стала родным домом. Это им пришлось в нечеловеческих условиях корчевать лес, рыть землянки, строить бараки, а затем с утра до вечера работать на лесоповале. Но тем не менее эти люди мужественно переносили все тяготы бытия: работали, создавали семьи, рожали детей. Многие семьи держали хозяйство. Летом по деревенским улицам гуляли важные свиноматки с поросятами.

Хотя в начале пятидесятых годов Тунгусский бор считался базовым лесопунктом, многие спецпереселенцы и их семьи все еще жили на Старых и Новых бараках. Там же располагались все значимые объекты: школы, клуб, пекарня. В школу ребятишек возили на крытой брезентом трехтонке. А назад эта машина привозила хлеб. В маленькой пекарне женщины-литовки пекли большие буханки ржаного чуда. Вкус и запах этого хлеба ощущаю до сих пор. От него пахло тмином и еще какими-то травами. Хлеб в магазине давали по норме, в зависимости от состава семьи. Буханки взвешивались на весах и огромным ножом отрезались лишние или привешивались недостающие куски. Помню, с каким аппетитом кусочки мягкого, душистого хлеба съедались еще по дороге домой. Кроме школы на Старых бараках еще функционировал клуб, где иногда по вечерам крутили кинофильмы. Молодежь после работы веселою гурьбой влезали в кузов машины и с песней ехали до Старых бараков. Киносеансы затягивались из-за частых поломок киноаппаратуры или отсутствия электричества. И, тем не менее, клубная жизнь была ключом. Великим счастьем для ребятни была возможность попасть на воскресные танцевальные вечера. Усатый гармонист с баяном в руках, как мог, старался разнообразить свой репертуар. Сначала пары чинно кружились в вальсе. Затем наступало время литовских танцев. Очень четко помню один из них. Одна из девушек, подзадориваемая веселой музыкой, задорно выбегала в круг и несколько раз обходила сидящих на стульях и лавках парней и девочек. Затем, притопнув, указывала на одного из парней. Тот вставал, и они уже вместе, друг за другом, совершали обход, пританцовывая и кружась. Но вот партнер точно так же, как это делала девушка, выбирал ту, которая нравилась ему, и эта круговерть продолжалась до тех пор, пока все сидящие не войдут в общий круг.

Танцевальные вечера иногда заканчивались потасовками. Обычно, драки начинали ретивые обитатели бараков, и почему-то всегда на улице. Стихийные всплески ярости быстро гасли – дерущихся растаскивали в разные стороны. Изредка эти драки превращались во всеобщее побоище. Мы, дети, воспринимали эти побоища вполне нормально, считая, что так и должно быть. Куча бьющих друг друга людей сначала выглядела вполне прилично: дрались хоть и жестко, но молча. Когда же появлялась первая кровь, избитые больше других, конечно, не выдерживали, и пускали в ход ножи и кастеты. Вот тогда-то начиналось самое страшное. Крики, стоны, матерная брань - все вместе превращалось в кошмар. Резаных и избитых в этих жестоких разборках местный фельдшер перевязывала прямо в бараке. Выживать умудрялись даже те, у кого была перерезана вена на запястье и кровь из раны хлестала прямо в лицо бедной фельдшерице. Смертельные раны случались редко. В основном отделялись выбитыми зубами и подбитыми глазами. Назавтра те, кто могут встать, уезжают на лесоповал, крепко побитых на мотовозе отправляют в Батурино.

Летом вся молодежь собиралась у волейбольной площадки. Кто-то азартно играл в волейбол, парни виртуозно кружились на турнике и брусьях. Все остальные флиртовали, сидя на скамеечках и рьяно отбивались веточками от надоедливых комаров и мошки. Обитатели бараков резались у себя в комнатах в карты. Семейные пары играли в лото, конечно же, за деньги.

Деревенской ребятне жилось привольно. Летом любимое занятие - купание в маленьком озерце, которое вдруг ни с того, ни с сего появилось на месте огородов. В нем водилось множество пиявок и лягушачьей икры. Но это нисколько не мешало нам плавать и нырять в свое удовольствие. После работы в жаркие летние дни здесь купались и взрослые. Находились такие, кто предпочитал купаться в бездонных моховых озерах за деревней.

Зимой в избе-читальне местная молодежь сражалась в шашки и шахматы. Люди посерьезнее просматривали газеты и журналы, разложенные на большом столе.

Вторым домом для населения поселка был лес. Поскольку рыбалка ограничивалась только ловлей голянов в озере, никакая другая рыба там не ловилась, серьезные мужчины предпочитали охоту на птиц и зверей. Поздней осенью мой отец утрами приходил весь обвешанный тетерками, рябчиками и глухарями. Дичи в лесу было так много, что даже наш всеобщий любимец, пес по кличке Шарик являлся из леса, волоча за собой тетерку или рябчика. Отдавать кому попало свою добычу он не желал. Искал глазами хозяйку и клал свою добычу к ее ногам. Другие дары природы: ягоды, грибы, орех брали сразу за огородами.

С ностальгией вспоминаю маленькую сельскую продуктовую лавку, именуемую магазином. Внутри лавки были прилавки и несколько полок с выставленным товаром. Послевоенная голодуха знакома мне не понаслышке. В колхозе, где мы жили раньше, кроме картошки и молока самыми вкусными считались овощи и ягоды. Ни о каких разносолах нам и не мечталось. А если честно, мы не предполагали, что таковые существуют вообще. А в нашей лавке при наличии денег можно было купить много чего. Когда случался завоз товаров, вся ребятня сбегалась поглазеть, как ящики, бочонки, коробки вносились грузчиками внутрь, а молоденькая продавщица Валя Толстова начинала выкладывать на прилавок всевозможную вкуснятину. Первым делом вскрывались бочонки с колбасами. Каральки копченой «Краковской» колбасы, плотно уложенной внутри бочки были залиты слоем говяжьего жира. Такой способ хранения колбас вполне оправдывал себя. Он позволял сберечь содержимое бочонков от порчи в любое время года. Но мы, ребяташки, ждали, когда же дело дойдет до сладостей. Но вот появлялись конфеты, сладости и мармелад. Мармелад нарезали кусочками, которые просто таяли во рту тех, кто имел в кармане заветный рубль. Шоколадные конфеты и леденцы в жестяных коробках полагались только по праздникам. Зато слипшиеся в комок «подушечки» ели частенько, растворяя это сладкое месиво в стакане чая. К большим праздникам в этой же лавке выдавали пшеничную муку, упакованную в цветные ситцевые мешочки. Из муки мама пекла пироги и шаньги, а мешочки аккуратно распарывались, и из получавшихся кусков ткани мать шила мне платья. Вся ребятня щеголяла в таких одежках.

Совершенно особенным местом в поселке была рабочая столовая. В неказистом беревенчатом здании размещалась просторная кухня с огромной печью, уставленная кастрюлями, бочками и сковородами. На столах – всегда чистые клеенки. Здесь тоже трудились поварами женщины-литовки, которые умудрялись при свете керосиновых ламп у единственной плиты созавать шедевры кулинарного искусства. Завтраки, обеды и ужины готовились из трех блюд. На три рубля можно было съесть котлетку с гарниром и компот. Хлеб, как и соль с горчицей, летом и квас в графинах всегда стояли на столах и были бесплатными. Летом находчивые повара использовали колодцы в качестве своеобразных холодильников. Сваренный утром компот заливался в фляги и на веревках опускался в колодец. К обеду охлажденный напиток был готов к употреблению. Столовая кормила не только лесозаготовителей, но и все население поселка, умудряясь выпекать фирменные булочки-пампушки.

К 1954 году жизнь в Тунгусском боре начала стремительно меняться. К этому времени из Новых бараков начали переселять семьи ссыльных литовцев, которым давали квартиры в щитовых домах и брусовых двухквартирниках. Бараки разбирались и из них строились объекты социального назначения. Все работающее население трудилось на лесозаготовках. Ранним утром трудяга мотовоз увозил лесников в деляны.

Во второй половине пятидесятых годов ручную валку деревьев заменила бензопила «Дружба». Ушли из делян и маломощные газогенераторные трактора, обзываемые в народе «котиками». На смену трудоемкому погрузочно-разгрузочному труду стала появляться новая техника. Эти новшества облегчали труд лесозаготовителей. Всю заготовленную древесину грузили на сцены и трудяга мотовоз тянул состав по узкоколейке до Батурино, где все богатства разделявали и сплавляли по Чулыму до Асино.

В эти годы, вскоре после смерти Сталина, начинается массовый отъезд ссыльных литовцев к себе в Литву. Уезжали они из Сибири далеко не нищими. Многие семьи увозили с собой реальные деньги – заработки на лесозаготовках были хорошими. Правда, в отдельных случаях, когда имущества набиралось очень много, на станции в Асино с ним приходилось распрощаться, оставляя на перроне мешки с мукой, крупой. На смену спецпереселенцам в поселок хлынул поток вербованных рабочих. К концу шестидесятых годов на Новых бараках наступило полное запустение и разруха. Из жителей осталось два человека: дед Кришталь, которому некуда было ехать, и пожилая женщина – кержачка. Ей было жаль расставаться с обжитым местом огородом и коровой. В ее опрятной избе стояли две кровати с марлевыми пологам от гнуса. На видном месте в простенке висела одностволка. В таежной глуши этой мужественной женщине приходилось опасаться не только недобрых людей, но и медведей, которые время от времени наведывались в заброшенную деревню. Звери мало пугали таежницу: она прекрасно стреляла и слыла отважной охотницей. Мы, дети, любили гостить у бабы Луши. Из Тунгусского бора в сторону Старых бараков вела лесная дорога. На половине пути, по правую сторону, еще издали виднелись огромные католические кресты на месте захоронения ссыльных литовцев и называлось оно «литовским кладбищем»

Если старые спецпереселенческие деревни уходили в прошлое, то жизнь в Тунгусском боре была ключом. В небольшом поселке работало два магазина, добротная малокомплектная школа, медпункт, детсад, клуб. Хлеб стали возить из Батурино в специальном вагоне. Пекли его на хлебозаводе. В семьях лесозаготовителей появился достаток. Добротный клуб, построенный всем миром, превратился в центр досуга молодежи. В домах горели электрические лампочки, появились телефоны.

Счастливым событием для односельчан стала поездка в Батурино, центральный поселок Лайского ЛПХ. Связь с которым осуществлялась по узкоколейной железной дороге. По утрам в сторону Батурино отправлялся мотовоз с двумя вагонами. В пути через переезды Анга и Лай состав мог находиться от двух и более часов, в зависимости от погоды, встречных товарняков. Зимой частенько переметало рельсы, приходилось гадать, когда снегоочиститель своим острым ножом очистит узкоколейку от снега. В вагонах всегда было тепло и уютно. Проводниками работали ответственные женщины. Одной из них была Войтенко Галина Васильевна. В 12 часов ночи поезд возвращался домой и пассажиры спешили по домам. На этом поезде два раза в неделю в поселок прибывала кинопередвижка. Вся свободная ребятня помогала хромому, бывшему фронтовику, дяде Пете перетаскивать аппаратуру от перрона до клуба. И если родители находили в кошельке лишний пятак, чинно восседали в удобном кресле на семичасовом детском сеансе. По субботам

устраивались танцы, изредка приезжали артисты. Радовала односельчан местная художественная самодеятельность. Последний раз я была в Тунгусском бору в 1964 году, будучи студенткой Колпашевского педучилища. Уже тогда поселок начал пустеть, Завербованные семьи, прожив несколько лет, уезжали, оставляя после себя пустующие квартиры. В то время нашему поселку оставалось жить несколько лет. К 1970 году поселок опустел.

По прошествии стольких лет из памяти исчезли имена, фамилии моих односельчан. Назову тех, кого помню: Гребневы Илья и Агаша, их дети. На взгорке, у ручья, стоял двухквартирник, в котором проживала семья Елизаровых. Еще запомнились фамилии: Пастуховы, Куликовы, Лунёвы, Кишкины, Моховы, Поздеевы, Войтенко.

Хочется надеяться, что кто-нибудь откликнется и дополнит воспоминаниями о жизни в ушедшей в небытие деревеньке моего детства.

Опубликовано: <http://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/derevnya-tunguskiy-bor/>